

Научная статья

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-105-126

Чего нет в известной статье Эдмунда Гетье*

Никита Владимирович Головкин

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Аннотация

Цель работы – реконструировать «внутреннее» содержание аргумента Э. Гетье как скептического аргумента против знания с точки зрения ответа на вопрос: «почему он мог бы быть прав, когда говорит то, что он говорит». Наша исходная гипотеза заключается в том, что Э. Гетье ничего не говорит про «случайность того, что в кармане у Смита 10 монет», но он употребляет слова «логическое следование» и «дедукция», которая обосновывает «истинность заключения» и на основании которой он приписывает Смиту «знание». Статья выходит в определенное время, Э. Гетье использует риторику необходимых и достаточных условий, в отношении обоснования специально приводится аналог принципа замыкания, примера именно два, – все это подталкивает к предположению, что «обоснование» у Э. Гетье, в том виде как он говорит о нем в постановочной части статьи, – это логическое отношение между суждениями, которые связаны между собой отношением логического следствия и соответствующим же образом закреплены в системе убеждений субъекта. Большая часть доказательных рассуждений на второй и третьей страницах – это иллюстрация того, почему подобная «логическая интерпретация» обоснования не работает. Вопреки большинству популярных точек зрения, Э. Гетье удалось показать лишь то, что выполнение формальных отношений между убеждениями не позволяет схватить «знание» в том виде, в каком он его определяет. В частности, такое прочтение дает возможность блокировать различные попытки предложить «четвертое условие». Оно должно отвечать поставленной задаче, – вернуть уверенность в том, что выполнение именно формальных отношений между убеждениями может схватить «знание». Однако в рамках парадигмы лингвистического поворота, в которой работает Э. Гетье, это невозможно, так как в ней, в общем случае, просто отсутствуют адекватные средства обсуждения содержательности вывода. В этом смысле «знание» по определению является нечетким понятием, которое возвращает нас к «классическим представлениям», в рамках которых убедительность аргумента предполагает не только правильность, но и достоверность, релевантность и полезность.

Ключевые слова

знание, обоснование, эпистемология, проблема Гетье, формализация, релевантность, логическое следование, скептический аргумент

* Статья написана по материалам лекции «Проблема Гетье» авторского курса «Теория знания», читаемого студентам направления «Философия» в Новосибирском государственном университете.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

Для цитирования

Головко Н. В. Чего нет в известной статье Эдмунда Геттье // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 1. С. 105–126. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-105-126

What is not mentioned in the famous article by Edmund Gettier

Nikita V. Golovko

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Abstract

The paper aims to unfold the «internal» content of Gettier’s argument as a skeptical argument against knowledge in terms of answering the question: «why he could be right when he says what he says». Our initial hypothesis is that E. Gettier does not say anything about the «accidentality of the fact that Smith has 10 coins in his pocket», but he uses the words «entailment» and «deduction», which substantiates the «truth of the conclusion», and on the basis of which he attributes «knowledge» to Smith. The article comes out at a certain time, E. Gettier uses the rhetoric of necessary and sufficient conditions, with regard to justification an analogue of the closure principle is given, there are exactly two examples – all this lead to the assumption that E. Gettier’s «justification» in the form he speaks about it in the staging part of the article – is a logical relationship between beliefs that are interconnected by the relationship of entailment and are fixed in the same way in the person’s belief system. Much of the evidence on pages two and three is an illustration of why this «logical interpretation» of reasoning doesn’t work. Contrary to most popular points of view, E. Gettier managed to show only that the implementation of formal relations between beliefs does not allow one to get to «knowledge» in the form in which he defines it. In particular, such a reading makes it possible to block various attempts to propose a «fourth condition». It must meet the task set – to restore confidence that the fulfillment of the formal relations between beliefs can help to get to «knowledge». However, within the framework of the linguistic turn paradigm, in which E. Gettier works, this is impossible, because in general, it simply lacks adequate means of discussing the persuasiveness of the inference. In this sense, «knowledge» is, by definition, a fuzzy concept that brings us back to «classical notions» in which the persuasiveness of an argument implies not only validity, but also soundness, relevance, and usefulness.

Keywords

knowledge, justification, epistemology, Gettier problem, formalization, relevance, entailment, skeptical argument

Acknowledgements

The reported study was funded by Russian Science Foundation grant № 23-28-00739 «Epistemic independence within the models of justification of the knowledge of the past: middle-range theories and weighted coherence», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

For citation

Golovko N. V. What is not mentioned in the famous article by Edmund Gettier. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 105–126. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-105-126

«Читайте то, что написано»
Китайская мудрость

Сложно критиковать концепции, которые уже обрели популярность и уже продемонстрировали свою успешность. При этом в истории философии можно найти примеры, когда по сути ложная посылка приводит к возникновению оригинального проекта. Очевидный пример здесь – теоретико-модельный аргумент и связанная с ним программа «внутреннего реализма» Х. Патнэма, которая, как показал Т. Бэйс [2001], в математической части аргументации попросту содержит ошибку¹. Интересной философскую проблему делает «попадание в фокус внимания интеллектуальных центров, узлов интеллектуальных сетей», а не ошибка в основаниях. Нет смысла спорить, была бы метафизика И. Канта другой, если бы он имел представление о неевклидовом характере геометрии и неархимедовом характере арифметики, для нас гораздо важнее, скажем, то, какую роль сыграли кантовский конструктивизм и представления об априорных формах чувственности в дальнейшем развитии философии. Неизменно то, что мы (возможно, напрасно) вправе предполагать, что автор независимо от того, насколько популярной со временем станет его точка зрения, обладает четким пониманием содержания оснований своей концепции, понимает их определенным образом, именно так, а не иначе. И это при том, что, стремясь достичь «более высокого уровня абстракции и рефлексии», никто не мешает заимствовать результаты из одной области исследований и переносить их в другую, что значительно осложняет экспликацию оснований «авторского ответа на вполне определенный, но далеко не всегда явно выраженный, вопрос». Д. Деннет разрабатывает концепцию реальных паттернов как онтологию интенциональных состояний сознания, но это не мешает Д. Россу представить концепцию Д. Деннета как фундаментальную концепцию существования, пригодную, в частности, для решения проблемы научного реализма (см.: [Ladyman et al., 2007]). Важно то, что при этом не очень правильно полагать, что Д. Росс говорит «о том же, о чем и Д. Деннет», поскольку он использует концепцию Д. Деннета вместе со своими собственными дополнительными соображениями (с частью из которых сам Д. Деннет, возможно, никогда бы не согласился), интерпретируя рассуждения Д. Деннета в той области, в которой это интересно Д. Россу. В противном случае мы могли бы сказать, например, что все соответствующие проблемы концепции Д. Росса автоматически являются проблемами концепции Д. Деннета. В общем случае любой разговор о том, кто

¹ Дьявол, естественно, в деталях. Как подчеркивает П. Бенацераф: «Любая философская интерпретация математического результата всегда содержит две части: сам по себе математический результат и выжимка философского “сока”. Важны обе части, но качество аргументации будет существенным образом зависеть от качества того, что можно считать независимым аргументом в пользу последней» [Benacerraf, 1998, p. 35]. В целом вся ситуация с Х. Патнэмом и Т. Бэйсом отлично описана В. В. Целищевым в его «Философии математики» [2002]. Т. Бэйс показывает, что теорема, которую доказывает Х. Патнэм в «Моделях и реальности» (Теорема 1) содержит ошибку. Однако, как отмечает В. В. Целищев: «Обобщение “сколемизма” в стиле Патнэма стало возможным благодаря общему фону в аналитической философии языка, заключающемуся в критике традиционного понятия значения» [Целищев, 2002, с. 167]. Общее направление трансформации проблемного поля в тот период приводит к тому, что «программа Патнэма» была хорошо воспринята сообществом и успешно развивалась.

и что конкретно говорил – это предмет внимательного анализа (с поиском замешательств, восстановлением логики авторской интерпретации принимаемых парадигм и т. д.) оснований соответствующей концепции. В этом смысле классическая (теперь уже, так как к 2023 году сменится, условно, уже второе поколение вовлекаемых в обсуждение философов) работа Эдмунда Гетье [1963] более чем достойна пристального внимания².

² Мы сознательно выбираем переводить фамилию автора как «Гетье» по ряду причин. Прекрасно понимая, что тем самым мы, не желая этого, примем участие в традиционной для отечественного философского сообщества специальной олимпиаде о том, «как правильно говорить». На наш взгляд, исключительно исходя из собственного опыта, ни один американец (он родился в Балтиморе и большую часть академической карьеры провел в Амхерсте), которые, как известно, говорят так, «как будто у них рот набит картофельным пюре», никогда не произнесет «Gettier» как «Геттиер», именно с акцентом на последней «р». И нет, возможно, это не тот случай, когда на этом же основании нам всем следует отказаться от «Поппер» и «Фейерабенд» и говорить исключительно «Паппз» и «Фазабент», как обычно и произносятся эти фамилии, например, в Вене. Желющие могут найти на просторах сети, например, учебник Питера Роача «Фонетика и фонология английского языка» кембриджского университета, где подчеркивается, что «в артикуляции *r* важно то, что кончик языка приближается к альвеолярной области примерно так, как это было бы для *t* или *d*, но никогда фактически не вступает в контакт с любой частью неба. И это сильно отличается от *g*-звуков многих других языков, где происходит контакт языка с небом» (см. параграф «Согласный *r*»). Что, конечно же, не отменяет локальных акцентов и различных сочетаний звуков, но дает четкое представление о том, что английский «*r*» это никогда не русский «р». Скорее всего, апелляция к «Геттиер» имеет в качестве основания старую (но не бесполезную, имеющую под собой хорошие, сильные основания) советскую традицию транскрибирования слов, в которой редуцированного «р» не предусмотрено. От противопоставления «как пишется» и «как слышится» не скрыться, но если (согласно новейшим тенденциям) мы должны произносить «Геттиер» с ударением на первый слог, и если отличие английского «г» и русского «р» значимо, то в том, чтобы опустить редуцированное «р» на конце слова, проблем нет.

Конечно, у нас еще есть перевод Льва Ламберова, который, по его собственным словам, «выполнен с любезного разрешения автора» [Гетье, 2007], но тут, по-видимому, мы сталкиваемся с конспирологической версией происходящего, когда употребление слов и терминология существенным образом зависят от того, с какой стороны от Уральских гор вы находитесь и с кем себя отождествляете. И естественно, уже в качестве шутки, здесь нельзя не вспомнить великий спор о переводе «*proposition*» (В. А. Суровцев из Томска, Е. Е. Ледников из Москвы, но это совпадение) и прекрасный комментарий М. В. Лебедева (из Москвы, но защищался в Томске) по поводу «традиционного» перевода «*belief*», после которого «Нельсон Гудмен зазвучал как Владимир Соловьев» (см. журнал «Логос» № 2 за 2005 год). Хотя, конечно, нельзя отрицать того, что в том, чтобы переводить «Gettier» как «Геттиер», «*beliefs*» как «веры», «*foundationalism*» (перцептуальный, эпистемический) как «фундаментализм», а «*reasons*» как «резоны», есть свое очарование. XXI век на дворе, мы никого не осуждаем. Однако, на наш взгляд, использование «вер» или «мнений» вместо «убеждений» просто не учитывает богатство контекстов употребления «*belief*» именно в профессиональной литературе. Коннотации важны (тут можно вспомнить про то, что «гренка не может того, что может крутон»). Р. Чизолм не разбивает все множество «мнений» субъекта на непересекающиеся множества – эпистемические классы по степени обоснованности. Лоис Лэйн, думая о Супермене, не обладает «мнением», а обладает «убеждением» со вполне определенным эпистемическим статусом. Выражение «я составил мнение» означает, что вы зафиксировали определенный эпистемический статус убеждения. То же самое касается дискуссий, например, о нормативном характере обоснования (придании эпистемических статусов) «мнений», или о структуре системы «мнений» субъекта. Выражение «знание – это одна из многих эпистемических характеристик мнения/веры», звучит странно. Точно так же мы можем отметить (исключительно в контексте эпистемологического дискурса), что тот, кто перевел «*On Certainty*» как «О достоверности» либо вообще не имел понятия, либо по каким-то причинам не принимал во внимание то, как «*certainty*» употребляется в эпистемологии. Это «несомненность», так как «достоверность» – это что-то, что есть следствие соотносительности с реальным, а «*certainty*» – это про максимальное состояние, невозможность ничего больше добавить в плане эпистемического статуса. Мы не уверены в том, что употребление слова «мнение» в русском языке всегда имеет ту же нейтральную окраску, что и употребление слова

Мы исходим из того, что даже по прошествии шести десятков лет после публикации никогда не поздно разобрать статью Э. Гетье в непредвзятой антиковедческой (classics) манере. У нас давно сложилось впечатление, что большинство авторов, интерпретирующих Э. Гетье направо и налево, либо не читали работу вообще, либо совсем не позаботились о том, чтобы провести границу между тем, о чем, собственно, говорит сам Э. Гетье и что потенциально (как и в любой фундаментально значимой работе) может в ней содержаться, в том случае если мы сами позволим себе достаточно вольно трактовать ее содержание³. Например, как утверждает Линда Загзебски: «Проблемы Гетье возникают в теории знания, когда обоснованное истинное убеждение оказывается истинным лишь случайно» [Zagzebski, 1994, p. 65]. Это утверждение ложно. В оригинальной статье Э. Гетье буквально ничего не говорится о «случайности» того, что «обоснованное истинное убеждение является истинным». Конечно, можно заподозрить то, что приведенное утверждение попросту неполно и что тут говорится о «проблемах» и об «истинности обоснованного истинного убеждения», и что, возможно, автор читала оригинальную статью и, говоря про «проблемы», имеет в виду три различные интерпретации определения знания, которые приводит Э. Гетье, и что, говоря здесь об «истинности», на самом деле имеет в виду истинность чего-то, о чем

«убеждение». А «нейтральность» важна, так как у «belief» может быть много эпистемических статусов. Может ли «мнение» быть «certain» (один из статусов в теории Р. Чизолма), а «evident» (это тоже статус, и ниже, чем «certain»)? В данном случае, говоря «убеждение», мы сохраняем возможность более строго передать то, что мы хотим сказать.

³ Среди последних работ, опубликованных нашими новосибирскими коллегами, и которые определенно вызывают интерес, можно отметить статьи А. А. Шевченко [Vervoort, Shevchenko, 2022] и П. А. Бутакова [2018]. И здесь, конечно, учитывая размах сопутствующих дискуссий, нельзя не принять во внимание точку зрения, которую озвучивает Александр Анатольевич Шевченко (личная переписка; мы благодарны за проявленное внимание и высказанные замечания): «делать акцент на ложности прочтения или ошибочности, с чьей-то точки зрения, популярной интерпретации – это не очень интересно и не очень важно. Непродуктивно говорить, что люди или вообще статью не читали, или ничего в ней не поняли. Такое постоянно случается, со всеми классиками. Какая-то интерпретация вдруг неожиданно “выстреливает”, и часто вовсе не та, которую имел в виду автор. Какая разница – писал сам автор о случайности истины или нет. Но именно такая возможная интерпретация многим показалась самым интересным следствием, что и породило целую традицию “борьбы с удачей”, как с эпистемической, так и с моральной. Можно быть занудой и описывать проблему в терминах “релевантности” данных или говорить, что отсутствуют “достаточные условия”, и что именно в этом проблема. Это будет правильно и скучно. Самое же интересное в примерах геттиеровского типа – это именно то, что пропозиция оказывается истинной случайно. Это выглядит как скандал, с этим хочется что-то делать. И тут разговор уже не про ИТВ и не про знание, а об одном конкретном следствии из примеров Геттиера. Как, черт возьми, истина может быть делом случая? И конечно, называть это “проблемой Геттиера” скорее всего некорректно. Его статью используют или как стимул, или как иллюстрацию». Мы согласны с тем, что реконструкция оснований позиции Э. Гетье, условно, в стиле «classics» – это, возможно, вещь в себе. В том числе потому, что мы сами предлагаем еще одну интерпретацию того, чего «на самом деле в статье нет» или же что «именно в статье есть». Однако мотивация может быть той же самой: «привнесение разумной структуры в то, что кажется непопаятым, в надежде, что недостатки послужат материалом для их преодоления в будущем». Наверняка есть те, кто согласится с тем, что происходящее вокруг Э. Гетье это пример классического «чем хуже логика, тем интереснее следствия». Но почему? В любом случае попытка реконструировать «внутреннюю структуру» рассуждений Э. Гетье должна как минимум ответить на вопросы: почему приводится именно такая постановка проблемы, причем тут принцип замыкания, почему примера два, что в этом смысле показывают примеры? И сделать это нужно достаточно непротиворечиво на едином концептуальном основании.

и говорит Э. Гетье. Но уже следующее предложение либо разрушит эту «доброжелательную» трактовку, либо убедит нас в том, что мы точно имеем дело не с тем, о чем, собственно, говорит Э. Гетье: «Поскольку не исключено, что в подобных случаях убеждение вполне могло бы быть ложным, то, как правило, делается вывод, что они не являются примерами знания» [Там же]. Никто не спорит с тем, что если в двух доказательных примерах, которые приводит Э. Гетье, соответствующие убеждения ложны, то эти примеры «не описывают примеры знания». Проблема, которой озбочен Э. Гетье, заключается не в том, что могут быть ситуации, в которых определенные убеждения, которые, мы думаем, являются истинными, на самом деле истинными не являются. Это очевидно каждому, и подобные ситуации гарантированно неоднократно подвергалась анализу в рамках различных философских систем на протяжении всей истории философии. Фундаментальность работы Э. Гетье заключается в демонстрации несоответствия между логикой и эпистемологией. Средствами логического анализа соотношения убеждений нельзя схватить то, что даже не традиционно, а именно в определенной парадигме, понимается под знанием. Вопреки большинству популярных точек зрения, Э. Гетье удалось показать лишь то, что выполнение формальных отношений между убеждениями не позволяет схватить «знание» в том виде, в каком он его определяет.

Ниже мы отдельно остановимся на том, что рассуждения об истинности и ложности убеждений «Смит получит работу» или «Браун в Барселоне» вторичны по отношению к тому, что действительно хочет сказать Э. Гетье. Тот факт, что статья выходит в 1963 году в журнале «Анализ» (да еще и в том же номере, где выходят статьи П. Ачинстейна «Логический круг и индукция» и Э. Бета «Замечание по поводу терминологии в естественной дедукции») также должен насторожить, – в ней нет ничего про «случайность», «удачу», «контекст» или «вероятность», не говоря уже о том, что в ней, например, нет ничего, что позволило бы достаточно обоснованно утверждать, что «статья Геттиера опровергает традиционную концепцию знания Платона». Все это появляется потом. Можно ли интерпретировать то, о чем пишет Э. Гетье в своей работе в рамках различных популярных в настоящее время направлений эпистемологии, таких как контекстуализм, релятивизм, перспективизм, релейбелизм и многие другие? Конечно, да. Являются ли такие интерпретации того, о чем пишет Э. Гетье, плодотворными для развития философии? Несомненно. Но говорить, что «наша интерпретация проблемы Геттиера указывает на одну из форм эпистемического релятивизма», не отделяя авторскую точку зрения и имея в виду именно то, что релятивизм является следствием того, что, собственно, написано в статье Э. Гетье, нельзя. Чтобы показать это, мы сначала заострим внимание на постановке «проблемы Гетье», приведем ее оригинальную формулировку, затем обратимся к основным проектам и категориям, в рамках которых Э. Гетье строит свою аргументацию, и в заключение предложим авторскую интерпретацию внутреннего содержания «аргумента Гетье» как скептического аргумента. На наш взгляд, основную путаницу в рассуждениях Э. Гетье вносит некритически принимаемое им представление о возможности формализации естественного языка с сохранением требования истинностно-функциональности для связок. В этом смысле Э. Гетье можно упрекнуть в непоследовательности, так как в примерах, которые он приводит, Смит не знает никогда.

Проблема Геттэ

В чем, собственно, состоит проблема, которую решает Э. Геттэ, в том виде, как она приводится в оригинальной статье? Проблема состоит в следующем (курсив оригинала):

Приведенные выше условия не являются *достаточными* условиями истинности пропозиции что S знает, что P [Gettier, 1963, p. 121].

Точная формулировка проблемы в том виде, в каком ее приводит сам Э. Геттэ, заключается в том, что *определенные условия не являются достаточными условиями истинности соответствующей пропозиции*. Именно об этом, в частности, говорит самое первое предложение: «Последнее время предпринимались различные попытки сформулировать необходимые и достаточные условия того, что кто-то знает данную (given) пропозицию» [Там же]⁴. Хорошо. А что с «необходимыми условиями», почему о них так никто и не вспомнил? Означает ли подобная постановка задачи, что в некоторой идеальной перспективе у нас выполняется отношение эквивалентности между, условно (из соотношения удобства мы меняем местами правую и левую части определений знания, которые приводятся на первой странице статьи Э. Геттэ), левой частью, куда входят три условия знания, и правой частью – где находится истинная пропозиция что S знает, что P? Эти вопросы способны поставить в тупик студента на экзамене, но только потому, что студент не всегда ассоциирует поиск необходимых и достаточных условий истинности в статьях большинства философов, публикующихся в соответствующих журналах в соответствующий период времени, с лингвистическим поворотом и характерными для него постановками. Да, у нас есть все основания предполагать, что скорее всего Э. Геттэ работает в известной винрарной парадигме, основное содержание которой сейчас можно восстановить, например, по книге М. Даммитта «Логические основания метафизики» [1991]. И если бы Э. Геттэ на са-

⁴ Интересный момент заключается в том, что в переводе А. Ф. Грязнова этот момент не отмечен (см.: [Геттиер, 1998]). Пропал очень важный, на наш взгляд, курсив второго упоминания достаточных условий (предпоследний абзац на первой странице), который присутствует в оригинальном тексте. И да, третье упоминание (самый последний абзац статьи) курсив содержит, но можно ли быть уверенным в том, что мы схватим суть «проблемы Геттэ», особенно после того, как до этого дважды курсивом подчеркивается, что «Смит *не знает*»? В переводе Л. Д. Ламберова оба курсива упоминания достаточных условий присутствуют. Мы знаем, что перевод профессионального текста – это непростая задача, и всегда найдутся те, кто скажет, что ваш перевод «не самого лучшего качества». И здесь мы, конечно, не хотим бросать тень на работу А. Ф. Грязнова. Но факт остается фактом: третье упоминание достаточных условий (как и первое) говорит о достаточных условиях того, что «кто-то знает данную пропозицию», и на самом деле нужно еще соотнести это «знает» с «истинностью пропозиции что S знает, что P», – о чем и говорится при втором упоминании достаточных условий. Этот момент может быть упущен при прочтении. Более того, если обратиться к открытым англоязычным источникам в сети, то самый очевидный источник, ссылка на который есть в соответствующей статье «Википедии» (см.: Проблема_Геттиера (ред. 26 декабря 2022). Википедия. Свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Проблема_Геттиера, дата обращения: 01.02.2023), – это пропущенный через программу FineReader (или аналогичную) скан оригинальной статьи, который лежит на сайте Брандэна Фителсона (www.fitelson.org), в котором все курсивы опущены. Это, конечно, еще одна конспирологическая версия происходящего, но понимает ли читатель после прочтения статьи, что речь идет не просто о «достаточных условиях знания», а именно о «достаточных условиях истинности пропозиции»?

мом деле хотел бы подчеркнуть в предварительной, постановочной части статьи что-то, что связано со «случайностью» или «удачей» знания, то он, несомненно, отметил бы это. Но почему-то он этого не сделал⁵. Что мы знаем о традиционных для третьей четверти прошлого века представлениях о предмете эпистемологии, а также о необходимых и достаточных условиях истинности пропозиции?

Пропозиции и обоснование

С точки зрения эпистемологии мы говорим только о пропозициональном знании. Выражения «я знаю, как попасть в Москву» и «на вашем месте я бы давно бежал за водкой» не являются предметами анализа. Нас интересует пропозициональное значение слова «знать» – в смысле «знать что», а не в смысле «знать как» или «быть знакомым». Именно в смысле, который передает повествовательное предложение, фиксирующее «фактическое знание о том-то и том-то», что в английском языке передается с помощью простого придаточного предложения (*that*-clause). И конечно, в данном случае хотелось бы избежать перегруженности рассуждений о пропозициях различными онтологическими предпосылками, которые могут быть у говорящего, так как в самой статье Э. Гетье нет ничего по этому поводу. Исходя из самых общих соображений, мы можем предположить, что пропозиция – это содержание / значение убеждения, в том смысле, что она может быть одной и той же для совершенно разных людей, которые могут по совершенно разным причинам, на разных языках и в разных терминах думать и утверждать одно и то же; и она может быть истинной или ложной, что, соб-

⁵ Другой известный пример вчитывания в текст статьи Э. Гетье того, чего там нет или о чем он не говорит напрямую, – это упоминание о том, что «Платон полагал, что знание это обоснованное истинное убеждение». Отметим, что в тексте статьи замечание, из которого можно сделать такой вывод, приводится в сноске (*sic!*), и заложенная в нем мысль формулируется с использованием глаголов *seems to* и *perhaps*. Что очевидно указывает на неуверенность, неоднозначность и некатегоричность высказываемого, о чем скорее всего Э. Гетье, как автор статьи, конечно же, был осведомлен. Также сложно предположить, что этого не заметил рецензент, равно как и постановку задачи в терминах необходимых и достаточных условий истинности пропозиции. О чем, в частности, может свидетельствовать комментарий М. Кларка [1963], опубликованный в том же журнале в декабре того же года (мы благодарны Алексею Михайловичу Кардашу за подсказку): «Примеры Гетье сильнее, чем требуется для того, чтобы показать то, что он хочет. Основания не обязательно должны быть связаны с заключениями отношением логического следования (*entail*) для того, чтобы считаться хорошими основаниями» [Clarke, 1963, p. 46]. Очевидно, вдумчивое прочтение статьи М. Кларка способно ответить на большую часть вопросов относительно постановки оригинальной «проблемы Гетье». И неудивительно, что тут нет ничего про «удачу». Однако вместо этого люди, не читавшие оригинальную работу Э. Гетье, будут рассказывать о том, что «многие эпистемологи согласны, что логическая структура примеров не так важна, как стоящий за ними тезис. Геттиер показал, что возможны сценарии, при которых знание зависит от случайности или удачи». Это не так. Между тем, что написано в оригинальной статье, и утверждении: «Проблема Геттиера акцентирует внимание на важной характеристике знания – оно не должно быть случайным» пропал, аналогичная отмеченной выше в примере П. Бенаццера разница между математическим результатом и его философской интерпретацией. И точно также, как в книге В. В. Целищева, здесь можно вспомнить отрывок из рецензии С. Блэкберна на книгу У. Эко «Кант и утконос» о несчастной «теореме Геделя», попавшей к интеллектуалам. Правда, естественно, в том, что и мотивация и логика аргументации в том, что интерпретируется, и в самой предлагаемой интерпретации могут быть разными. И авторы, внимательные к деталям, конечно же, это отметят и не будут говорить, что «сейчас так принято». В этом смысле предмет нашего исследования – оригинальная «проблема Гетье», его скептический аргумент и причины, по которым он не работает.

ственно, и отличает пропозицию от убеждения⁶. Именно способность быть истинной или ложной и делает пропозицию, которую мы сопоставляем простому придаточному предложению, предметом знания. В этом смысле проблема, о которой говорит Э. Геттэ, заключается в том, что известные три условия должны быть необходимыми и достаточными условиями истинности соответствующей пропозиции, но они почему-то таковыми не являются.

Не менее важный момент связан с пониманием обоснования. В общем случае обоснование – это то, что позволяет нам закрепить за убеждением определенный эпистемический статус. В этом смысле, например, «знание» является одним из возможных эпистемических статусов. Сложно однозначно сказать, опираясь на текст статьи, принимает ли Э. Геттэ эвиденциализм, но определенные посылки к этому есть. В доказательной части статьи он использует слово «данные» (evidence) для того, чтобы показать степень доверия к убеждению. Более того, уже скоро, в 1966 году, выйдет «Теория знания» Р. Чизолма [1989], которая фактически закрепит за эвиденциализмом парадигмальный статус. Приписывание эпистемических статусов в эвиденциализме является следствием «сравнения» анализируемого убеждения и «данных», которые сами по себе также являются убеждениями, т.е. пропозициями. В качестве иллюстрации того, как происходит это «сравнение», можно привести в пример представление об «опровергающих данных»: «*d* опровергает (defeats) *e* как данное в пользу *p*, если и только если *e* это данное в пользу *p*, и конъюнкция (*d* + *e*) не является данным в пользу *p*» [Steup, 1996, p. 13]. Не вдаваясь в детали представления об «опровергающих данных» и их типологию (противоречащие/ослабляющие, эвиденциальное/фактуальное опровержение обоснования и т. д.) и рассуждая по сути о любых типах данных в рамках эвиденциализма, мы можем сказать, что с точки зрения данных весь разговор об обосновании в эвиденциализме – это разговор о конъюнкциях и дизъюнкциях соответствующих убеждений. И если предположить, что Э. Геттэ выбирает эвиденциализм, то для того чтобы рассмотреть весь условный «контекст обоснования» с точки зрения данных, и более того, показать, что обоснование где-то не работает или работает неправильно, он и должен рассмотреть примеры с конъюнкцией и дизъюнкцией данных. Этого достаточно. Тот факт, что Э. Геттэ приводит только два подтверждающих примера, иллюстрирующих то, как работают связки «и» и «или», не является случайным.

Концептуальный анализ и принцип замыкания

С нашей точки зрения, все, что касается постановки задачи и аргументации в обсуждаемой статье Э. Геттэ, должно подчиняться логике парадигмы лингвистического поворота. Говоря о необходимых и достаточных условиях истинности

⁶ Например, мы могли бы здесь отметить, что пропозиция, в отличие от убеждения, выраженного в обыденном языке, – это абстрактный объект, выраженный в мета-языке, но это почти наверняка повлечет вопросы о существовании абстрактных объектов, их содержании, условиях идентичности, отношениях с субъектом, природе мета-языка и т. д. Для тех, кто настроен более решительно, например, можно вспомнить определение, которое приводит М. Сэйнсбери: «Это то, что выражается (expressed) в заданном контексте посредством осмысленного утвердительного (declarative) предложения изъявительного наклонения (indicative)» [Sainsbury, 2001, p. 33].

пропозиции, скорее всего речь идет о стандартном представлении об индивидуации концептов. Электрон является электроном, потому что удовлетворяет определенным «условиям идентичности» (identity conditions), которые и дают возможность определить то, что перед нами электрон. Такими условиями для объектов условной лингвистической реальности являются условия истинности, которые могут выражаться в терминах необходимых и достаточных условий того объекта, который претендует на то, чтобы быть одним из «проявлений» (exemplification) данного концепта. Примечательно то, что в парадигме лингвистического поворота сама задача схватить определение концепта в терминах логически необходимых и достаточных условий может быть решена не всегда (см., например: [Sainsbury, 2001]). И теперь предположим, что Э. Гетье сомневается в том, что подобная задача может быть решена для пропозиции что S знает, что P. На наш взгляд, именно это он и пытается показать, – что понятие «знание» нельзя схватить в терминах логически необходимых и достаточных условий. При этом лучшей иллюстрацией того, почему Э. Гетье говорит именно о логически необходимых и достаточных условиях, является последний абзац первой страницы.

Зачем в последнем абзаце на первой странице Э. Гетье приводит каноническую формулировку «принципа замыкания» (closure) для обоснования? Он специально заостряет на этом внимание: «Я начну с того, что отмечу два момента» [Gettier, 1963, p. 121]⁷. Какую роль тут играет апелляция к «принципу замыкания»? В логической теории концептуального анализа единственным легитимным отношением между концептами является логическое следование (entailment). Характеристики, которыми обладает концепт, являются следствием того, что данный концепт связан с другими концептами отношением логического следования, – так определяется его идентичность. И когда мы говорим, что у концепта должно быть определение, мы заранее предполагаем, что оно будет иметь форму логической эквивалентности. Это важно. Почему Э. Гетье ничего не говорит про «необходимые условия знания»? Потому что из истинности пропозиции что S знает, что P следует что S знает, что P. Это логика. Демонстрация того, что логическое следование «вправо» (три условия знания не являются достаточными условиями истинности пропозиции что S знает, что P) не работает, будет опираться, по версии Э. Гетье, на еще одно каноническое допущение, – что мы можем разделить «знание» и «обоснование» и при этом будем считать «обоснование» *необходимым* условием «знания». Так фиксируется связь «знания» и «данных». В каком смысле тут понимается «необходимость»? Естественно, в смысле логической необходимости – в этом суть первого замечания. Второе замечание касается исключительно «контекста обоснования». Закрепив связь «знания» и «обоснования», Э. Гетье переходит от обсуждения «знания» (от обсуждения условий истинности пропозиции что S знает, что P) к обсуждению «обоснования» (к тому, как работает третье условие).

⁷ В литературе можно встретить замечание (см., например: [Dancy, Sosa, Steup, 2010]), что именно этот момент – апелляция к принципу замыкания (наравне с допущением, что знание это обоснованное истинное убеждение), является одним из наиболее фундаментальных и определяющих значимость работы Э. Гетье. Хорошо известна дискуссия, в которой, например, Р. Нозик и Ф. Дрестке, с одной стороны, показывают, что принцип замыкания ложен, а К. Райт и П. Клейн, с другой, – предполагают его обоснование. Здесь Э. Гетье снова выступает как провокатор, фактически просто принимая этот принцип как должное. Но интерпретация этого принципа у Э. Гетье исключительно «логическая».

Он подчеркивает, что не только «Q следует (entail) из P», но и то, что «S выводит (deduces) Q и принимает (accepts) Q как результат этого вывода (deduction)». Конечно, мы можем предположить, что *deduction* здесь – это не логическая дедукция. И да, в общем случае ничто не мешает рассматривать дедукцию, например, в рамках релейбелизма, – именно как вывод, достоверность которого определяется по способности приводить к истинным убеждениям. Возможно, Э. Геттэ просто использует *deduction* и *entailment* как фигуры речи, точно так же, например, как и Шерлок Холмс. Но в этом есть серьезные сомнения. Статья выходит в определенное время, Э. Геттэ использует риторику необходимых и достаточных условий, в отношении обоснования специально приводится аналог принципа замыкания, примера именно два. Это косвенные улики, но в совокупности они могут что-то значить. «Обоснование» у Э. Геттэ, в том виде как он говорит о нем в постановочной части статьи, – это логическое отношение между суждениями, которые связаны между собой отношением логического следствия и соответствующим же образом закреплены в системе убеждений субъекта. Большая часть доказательных рассуждений на второй и третьей страницах – это иллюстрация того, почему подобная «логическая интерпретация» обоснования не работает.

Все два примера

Почему примера два? Почему двух примеров достаточно для того, чтобы проиллюстрировать то, что Э. Геттэ хочет показать? Внимательный читатель наверняка уже догадался, что в рамках проблемы, которую решает Э. Геттэ, это примеры не про случайность того, «кто получит работу» или «в каком городе сейчас Браун». Это примеры про то, как в данном случае работают конъюнкция и дизъюнкция. Какую роль тут играют «Джонс», «Смит» и «Барселона»? Исключительно роль «наполнения» соответствующих сугубо логических рассуждений. Истинность и ложность посылок и заключения – это часть механизма, который нам нужен, чтобы проверить правильность (validity) логической формулы. Откуда, собственно, берется эта истинность или ложность – не важно. И если обоснование у Э. Геттэ – это логическая операция, то с учетом того, что мы уже знаем об эпистемическом обосновании, нужно показать, как в общую картину встраиваются соответствующие интерпретации конъюнкции, дизъюнкции и логического следования.

Сделаем небольшое отступление и представим то, как могла бы выглядеть позитивная (с точки зрения поставленной цели) часть аргументации Э. Геттэ в доказательной части статьи, если тем словам, которые он употребляет, когда ее описывает, придать традиционное для парадигмы лингвистического поворота значение. Здесь мы хотим поговорить не столько о том, что именно сказал Э. Геттэ, но о том, почему он мог бы быть прав, когда говорит то, что он говорит. Мы хотим поговорить о предварительных условиях того, о чем говорит Э. Геттэ. И да, на первый взгляд, в данном случае наша позиция не будет слишком отличаться от тех, кого мы критикуем за излишнее вчитывание в работу Э. Геттэ того, чего там нет. В свою защиту отметим, что нами движет лишь интерес представить в достаточно строгом виде «внутреннюю» аргументацию Э. Геттэ, скрытую за конкретными

ми, напечатанными словесными формами, а не порассуждать о значении работы или о ее далеко идущих следствиях. Наша исходная гипотеза остается прежней, Э. Гетье ничего не говорит про «случайность того, что в кармане у Смита 10 монет», но он употребляет слова «логическое следование» и «дедукция», которая обосновывает «истинность заключения», и на основании которой он приписывает Смиту «знание». То, о чем, например, говорится в третьем абзаце на второй странице: «Представим, что Смит не знает, что он, а не Джонс, получит работу; не знает, что у него 10 монет в кармане» – это фигура речи, которая раскрывает сделанное ранее (в предпоследнем предложении предыдущего абзаца) допущение о том, что посылка (d) и заключение (e) связаны отношением логического следования. Подобную ошибку (представить, что в данном случае речь идет о предположении, именно как о предположении) – вчитать в фигуру речи свою собственную интерпретацию, могут допустить студенты, не внимательные к логике аргументации, скрытой за словами, и не понимающие того, о чем идет речь. Как, например, очень часто происходит на лекции, когда известное предложение, которое должно провести различие между *de re* и *de dicto* модальностями: «Лоис Лэйн думает, что Кларк Кент слабее Супермена» интерпретируется в том ключе, что «думает» здесь указывает не на обладание соответствующим убеждением, а на вероятностный статус отношения Лоис Лэйн к описываемому. То же самое часто происходит с интерпретацией того, что происходит на второй и третьей страницах статьи Э. Гетье. Для того чтобы логика рассуждений Э. Гетье работала, под словами должна быть скрыта надлежащая и достаточно строгая структура аргументации.

Доказательная часть рассуждения должна соответствовать поставленным целям. И первое, что здесь нужно подчеркнуть, – это то, что условный «аргумент Гетье против знания» – это именно *скептический* аргумент. И как и любой скептический аргумент, который в данном случае показывает, что «мы необоснованы в том, что не критически считаем вполне обоснованным», он состоит из двух тактов: а) сначала задается желаемая степень обоснованности, в данном случае знания. Цель этого условия – установить общие основания, которые будут связывать скептика и не-скептика и ограничат агностицизм; б) потом демонстрируется, что мы никак не можем достичь желаемой степени обоснованности, а значит, знание не обоснованно⁸. И также, как и в любом другом случае, имея дело со

⁸ Как правило, для того чтобы показать, что данный класс убеждений не удовлетворяет заданной степени обоснованности, прибегают к «скептической гипотезе» (задает гипотетическую ситуацию, связанную с положением дел, когда не-скептик заблуждается) и «принципу переноса» (transmissibility). Принцип переноса, если мы говорим об обосновании, может иметь вид: «если я обоснован в принятии p и обоснован в принятии того, что p влечет (entail) q, тогда я обоснован в принятии q» [Steup, 1996, p. 206]. Обоснование буквально «переносится» посредством обоснованно принимаемых логических следствий. То, что в конце первой страницы Э. Гетье акцентирует внимание на принципе замыкания, не случайно. Роль «скептической гипотезы» как раз заключается в том, чтобы посредством «принципа переноса» прийти к заключению, что убеждения не обоснованы: «(1) Если вы обоснованы и в принятии p, и в принятии того, что p влечет отрицание скептической гипотезы, тогда вы обоснованы в отрицании скептической гипотезы; (2) Вы обоснованы в принятии того, что p влечет отрицание скептической гипотезы; (3) Вы не обоснованы в отрицании скептической гипотезы; Тогда (4) Вы не обоснованы и в принятии p» [Там же]. Очевидно, такая формулировка скептического аргумента в терминах «отрицания скептической гипотезы» подобрана не случайно. А теперь сравните предполагаемую структуру того, о чем говорит Э. Гетье (как структуру скептического аргумента

скептическим аргументом, лучший способ показать, что рассуждения скептика не обоснованы, – воспользоваться «аргументом Дж. Мура», т. е. показать, что исходная посылка скептического аргумента менее обоснована, чем то утверждение, которое скептик пытается опровергнуть⁹. На наш взгляд, такой посылкой, условного «аргумента Э. Гетье против знания» как скептического аргумента является предположение, что предложения естественного языка, в данном случае английского, адекватно отражают логические характеристики пропозиций, которые они выражают. В чем, собственно, в данном случае может состоять «скептическая гипотеза», мы хотим предложить разобраться читателю самостоятельно, т. к. ее точная формулировка будет зависеть от конкретного варианта реконструкции предполагаемого аргумента.

Мы любим логику за то, что она дает ощущение того, что реляционный факт, что из этих посылок следует (или не следует) данное заключение в каком-то смысле существует независимо от содержания и посылок и заключения. И каждый раз, употребляя выражения естественного языка, содержащие связки: «и», «или», «если, то», нам кажется, что мы можем воспользоваться правилами логики для того, чтобы оценить правильность высказывания. В общем случае это не так. Проблема заключается в том, как продемонстрировать, что выражения естественного языка являются «теми же самыми», что и выражения формального языка. И обычно тут говорят о формализации естественного языка в языке пропозициональной логики (см., например: [Sainsbury, 2001]). Необходимым условием такой формализации является то, что связки («и», «или», «если, то» и т. д.) являются истинностно-функциональными (truth functional) логическими константами. В формальном языке у нас есть связки « \wedge », « \vee », « \rightarrow », которые задаются хорошо

против знания) и ту часть аргумента «Мозг в баке» Х. Патнэма, которую можно интерпретировать как аргумент против обоснованности убеждений, обоснование которых опирается на эмпирические данные. В обоих случаях скептическая гипотеза (скажем, для Э. Гетье: «обладание данными есть достаточное условие знания», для Х. Патнэма: «я – мозг в баке») будет подчеркивать, что она несовместима с истинностью (для Э. Гетье: «Смит не знает (знание требует истинность), что у него в кармане 10 монет»; для Х. Патнэма: «данные, которые доступны мозгу в баке по определению не могут быть истинными»), но вполне совместима с доступными данными (для Э. Гетье: «у Смита нет данных, что у него в кармане 10 монет»; для Х. Патнэма: «мозг в баке, опираясь на доступные данные, является (может являться) успешным субъектом»). Предполагаемое «структурное» (или, лучше сказать, «поэтическое», так как здесь мы говорим о подобии нескольких независимых свойств, условно, в разных плоскостях) сходство условного «аргумента Э. Гетье» и «аргумента Х. Патнэма» не может быть случайностью. Это два примера скептического аргумента, демонстрирующие разницу между обращением к «доступным» и «релевантным» данным.

⁹ В данном случае упоминание «аргумента Дж. Мура» может не иметь ничего общего с его руками, скорее, речь идет об аргументе «доведение до абсурда» (reduction ad absurdum) в отношении одной из посылок скептического аргумента, когда «мы осознаем, что заключение является ложным, но аргумент является правильным (valid), а значит, ложной является одна из посылок» [Sainsbury, 2001, p. 30]. Когда мы имеем дело со скептическим аргументом, то мы принимаем и все посылки, и отрицание заключения (в случае Э. Гетье мы отрицаем, что «Смит знает»). И чисто формально, мы можем переписать правильный аргумент: «{P}, значит Q», в виде: «{{P₁}, ¬Q}, значит ¬P₁», который тоже будет правильным. Это и означает, что, анализируя скептический аргумент, мы можем проверить состоятельность всех посылок и выкинуть наименее обоснованную из них. Проблема в том, что в общем случае, мы не знаем, какая именно из посылок скептического аргумента может оказаться «ложной». В этом заключается творческий момент в анализе оснований скептического аргумента и опровержении позиции скептика.

знакомыми таблицами истинности и которые должны полностью (в плане передачи соответствующих истинностных значений) соответствовать связкам «и», «или», «если, то». По определению: «связка является истинностно-функциональной, если и только если истинность или ложность предложения, которое она помогает составить, полностью определяется только истинностью или ложностью его составных частей» (курсив оригинала. – Н. Г.) [Sainsbury, 2001, p. 60]. И если мы уверены в том, что связки естественного языка полностью и однозначно соответствуют связкам формального языка, то тогда мы можем представить позитивную схему соотношения правой и левой частей предполагаемой эквивалентности (между трехчастным определением знания и истинностью пропозиции что S знает, что P), о которой говорит Э. Гетье, следующим образом:

1. Обоснование (ключевое понятие левой части) в смысле работы связок «и» и «или» является истинностно-функциональным;

2. По «необходимости», связывающей обоснование и знание (закреплено в последнем абзаце на первой странице), вся левая часть является истинностно-функциональной;

3. И поскольку речь идет об истинности соответствующей пропозиции в правой части, то действительно можно быть уверенным в том, что достаточные условия истинности могут быть выполнены.

Это то, что в условном «аргументе Гетье против знания» мы готовы назвать той самой посылкой скептического аргумента, которая должна «установить общие основания скептика и не-скептика». И, следуя «аргументу Дж. Мура», мы можем показать, что эта посылка (а у нас есть все основания предполагать, что именно так Э. Гетье и рассуждает как последовательный сторонник парадигмы лингвистического поворота) является слабой. Ни одна из связок «и», «или», «если, то» в общем случае не является истинностно-функциональной¹⁰. Более того, связка

¹⁰ В частности, в литературе можно найти целый ряд примеров, в которых связки в предложениях английского языка не являются истинностно-функциональными, т. е. не эквивалентны «математическим операциям»: «Джейн Остин умерла в 1817 году и была похоронена в Винчестере... истинность или ложность предложения должна зависеть только от истинности или ложности составляющих его частей. Но это не так: истинность [этого] предложения требует того, чтобы событие, о котором сообщается во второй части, произошло бы после описанного в первой части» (курсив оригинала. – Н. Г.) [Sainsbury, 2001, p. 78]. «Либо супердержавы откажутся от гонки вооружения, либо будет третья мировая война... Если в результате замены первого дизъюнкта (который мы договоримся считать ложным) произвольным ложным утверждением получится предложение с тем же истинностным значением, то мы отчасти выполним проверку подстановкой. Однако продолжить подстановочный тест в данном случае будет сложно, поэтому есть более общий аргумент в пользу или против того, пройдет ли это предложение этот тест. Мы можем предположить, что это предложение эквивалентно следующему: Если супердержавы не откажутся от гонки вооружения, то будет третья мировая война... вопрос об истинностно-функциональности «или» сводится к вопросу об истинностно-функциональности «если»... Общим местом является то, что условные предложения «если, то» нельзя адекватно формализовать с помощью «→» Предложение «если А, то В» требует для своей истинности наличия взаимосвязи между тем, что делает истинным А, и тем, что делает истинным В, например их причинной связи. Истинность $p \rightarrow q$ такой взаимосвязи не требует. Рассмотрим объем воды, который не будет нагрет до 90° в следующем году, тогда предложение «этот объем воды нагрет до 90° в такой-то момент времени следующего года» – ложно. Обозначим его р. Пусть q отвечает предложению «этот объем воды превратится в лед». Тогда $p \rightarrow q$ истинно, а утверждение: Если этот объем воды нагрет до 90° в такой-то момент времени следующего года, этот объем воды превратится в лед, – ложно, «если» не соответ-

«знает» тоже не является истинностно-функциональной¹¹. Когда Э. Гетье говорит «представим» и после этого приводит свои доказательные примеры, он действует исключительно как условный «математик». Он апеллирует к формальным характеристикам соответствующих связей, перебирает истинностные значения посылок так, чтобы с формальной точки зрения вывод был правильный¹². Но при этом он ничего не говорит о соответствии естественного языка формальному, он ничего не говорит об интерпретации, которая сделает возможным (ограничит) подобное соответствие с сохранением требования истинностно-функциональности для связей. Другими словами, в том виде, как он предстает перед нами в статье, «аргумент Гетье» не является достаточно строгим для однозначного понимания «и», «или», «логическое следование», «дедукция», «необходимые и достаточные условия» как формальных отношений, отвечающих задаче определения знания¹³.

ствует «→» [Там же, р. 82–84]. Обратите внимание на то, как Э. Гетье приводит своим примеры, все ли связи в его примерах гарантированно являются истинностно-функциональными?

¹¹ «Мы можем предположить, что выражение “Наполеон знал, что” является связкой. Можно взять предложение “Святая Елена находится в Атлантическом океане” и сформировать предложение “Наполеон знал, что Святая Елена находится в Атлантическом океане”. Однако оно не является истинностно-функциональным. Составные части истинны, но сам по себе этот факт не определяет, является ли предложение истинным. Сам факт, что “Святая Елена находится в Атлантическом океане” никак не связан с тем, знает ли Наполеон об этом или нет... Рассмотрим истину, которую Наполеон не знал: “Кварки бывают четырех цветов”. “Наполеон знал, что кварки бывают четырех цветов” – ложно, но “Наполеон знал, что Святая Елена находится в Атлантическом океане” – истинно» [Sainsbury, 2001, р. 60–61]. Более того, аналогичным образом можно показать, что связка «необходимо, что» также не является истинностно-функциональной. Когда «необходимость» связи «знания» и «обоснования» (на которой настаивает Э. Гетье) может считаться истинностно-функциональной, а когда – нет?

¹² Ведь он должен показать, что желаемая «степень обоснованности» (как основание, которое связывает скептика и не-скептика), хоть и вполне рационально оправдана, но не достижима. Отсюда и появляется удивление, что с формальной точки зрения Смит должен обладать знанием, но «в реальности» – не обладает. С формальной точки зрения «аргумент Гетье» как скептический аргумент может выглядеть так: 1) для того чтобы было «знание», истинностные значения посылок должны переноситься (согласно известным правилам) по связкам; 2) мы обнаружили случаи, когда по связкам переносится не «подлинное» истинностное значение, а его «суррогат»; значит 3) «знание» невозможно, так как схема предписывает нам считать эпистемический статус, полученный на основании «суррогатных» значений, «знанием». Не вдаваясь в детали относительно того, какого рода этот скептический аргумент, мы акцентируем внимание на предположении, которое делает возможным эту посылку (1). «Истинностные значения посылок должны переноситься по связкам» – это то, что постулируется парадигмой лингвистического поворота, когда мы говорим о логической форме утверждений. И Э. Гетье некритически принимает это допущение, поскольку упускает из виду, что в общем случае связи не являются истинностно-функциональными.

¹³ «Аргумент Гетье против знания» является скептическим аргументом, одна из посылок которого предполагает, что, употребляя выражения естественного языка, содержащие связки: «и», «или», «если, то», мы можем воспользоваться правилами логики для того, чтобы оценить правильность высказывания. Однако он ничего не говорит об интерпретации, которая сделает возможным (ограничит) подобное соответствие с сохранением требования истинностно-функциональности для связей. Отсюда мы делаем вывод, что посылка скептического аргумента менее обоснована, чем утверждение, которое скептик атакует – «Смит знает». Подчеркнем, более полный анализ обсуждаемой проблемы (который мы не будем проводить в рамках данной статьи) как минимум также должен включать: а) обоснование того, в каком смысле «Смит знает» более обоснованно, и б) в каком смысле отсутствие (или наличие) надлежащей формализации связей будет релевантно рассматриваемой проблеме. Судя по всему, обоснование «Смит знает» может являться следствием определенного нормативного представления об обосновании, запрещающего не принимать во внимание все имеющиеся данные. Если, конечно, Э. Гетье принимает эвиденциализм. Обоснование является следствием работы с имеющимися данными. В этом смысле умышленное исключение каких-то данных, недостаточное внимание

Посмотрим на примеры. В первом примере на основании имеющихся данных – Смит посчитал монеты в кармане Джонса, начальник сказал ему, что работу получит Джонс, – Смит выводит (entail) $(d) \rightarrow (e)$. По принципу замыкания, Смит знает (e) . На основании имеющихся данных, предполагая, что все связки являются истинностно-функциональными. В чем смысл демонстрации того, что на самом деле все не так, как кажется? Покровы сорваны: (d) – ложно, но (e) – истинно, а значит, $(d) \rightarrow (e)$ истинно (по таблице истинности), а значит, Смит как бы все еще знает (e) ¹⁴. В чем парадоксальность ситуации? Удивление является следствием того, что и в том, и в другом случае формальные отношения между убеждениями выполнены, но Э. Гетье настаивает, что в одном случае Смит знает (e) , а в другом – нет. Почему отношения выполнены? Потому что априорно полагается, что связки естественного языка в данном случае отвечают формальным отношениям в соответствующей формализации. А Э. Гетье, как сторонник эвиденциализма, просто показывает то, чем апелляция к доступным данным отличается от апелляции к релевантным данным. Смит не знает (e) потому, что не опирается на релевантные данные, и если бы опирался – то он был знал, так как с формальной точки зрения все отношения выполнены. Э. Гетье ничего не говорит про «случайность/удачу попадания в состояние знания». Есть два набора данных, которые помогают заполнить таблицу истинности. И это все бы сработало, если

к вопросам полноты анализируемого множества данных, – это нарушение нормы. Именно по этой причине, например, не обоснован Предсказатель в канонической версии релейбизма А. Голдмана, – его заключения расходятся с имеющимися демонстрируемыми данными. И тут мы имеем две ситуации: «Смит знает как следствие обращения к имеющимся данным» и «Смит не знает, поскольку связки не являются истинностно-функциональными, несмотря на то что Смит учел все имеющиеся данные». Отметим, что посылкой, на основании которой мы сопоставляем эти две ситуации, является то, что Смит оперирует (ему достаточно) не пропозициями, а отвечающими им выражениями в обыденном (английском) языке. Соответственно, ответ на вопрос: «в каком смысле отсутствие (или наличие) надлежащей формализации связок будет релевантно рассматриваемой проблеме?», является следствием допущения, что мы вообще можем сопоставлять выражения в естественном языке и их логическую форму. И как мы видим, в общем случае это допущение ложно. И именно им пользуется Э. Гетье. Он делает это, потому что некритически принимает парадигму лингвистического поворота, в которой считается, что мы можем и должны так делать. Смит знает, пока мы не задумаемся об истинностно-функциональном характере связок. В доказательных примерах, которые приводит Э. Гетье, Смит не знает никогда, независимо от того, какой истинностный статус имеют посылки. И мы будем здесь говорить о преимуществах использования обыденного языка перед формальным в плане демонстрации «убедительности» аргумента с точки зрения фиксации содержательности связи между утверждениями, объясняющей релевантность подбираемых данных.

¹⁴ С точки зрения рецензента (личная переписка; мы благодарны Евгению Васильевичу Борису за проявленное внимание и высказанные замечания), проблемой может быть то, что «в данном случае “entail” понимается именно как логическое следование, но не как материальная импликация». С этим сложно согласиться. По определению, «логическое следование» подчеркивает «необходимый» характер того, что из посылок следует заключение: «*V* логически следует (entailed) из *A*, если логически невозможно для *A* быть истинным без истинности *B*» [Sainsbury, 2001, p. 395]. В классической пропозициональной логике это отношение выводимости. Однако то, как Э. Гетье оперирует им, не оставляет сомнений. Этот момент отмечает А. Л. Никифоров: «Когда мы говорим, что из высказывания “а” следует дизъюнкция “а или б” каким бы ни было “б”, то мы отношение логического следования или выводимости отождествляем с материальной импликацией» [Никифоров, 2009, с. 67]. Более того, приводя принцип замыкания в последнем абзаце первой страницы, Э. Гетье подчеркивает, то значимым является то, что «*S* обоснован в *Q*». Необходимость *entailment* получает дополнительную качественную характеристику – «обоснованность», что достаточно сложно представить (появление нового качества), когда мы говорим о простом следствии (consequence) одной формулы из множества других.

бы мы пользовались релевантными данными и были бы уверены в формализации, т.е. в интерпретации связок. В действительности же Смит не знает (е) ни в том, ни в другом случае, пока в дополнение к требованию выполнения формальных отношений между убеждениями не будет добавлено требование «опираться на релевантные данные». Второй пример точно такой же. В начале отношение (f) \rightarrow (g) истинно, как *entailment* на основании доступных данных. Покровы пали: (f) – ложно, но (g) – истинно (так как один из дизъюнктов истинен; и говорить об этом можно, только если мы апеллируем к таблице истинности), а значит, (f) \rightarrow (g) истинно, но уже для релевантных данных. Все это будет работать, только если мы допускаем адекватную формализацию связок предложений естественного языка. Единственно, что здесь четко удастся показать Э. Геттэ, так это то, что те самые три условия, возможно, будут достаточными условиями истинности пропозиции что S знает, что P, только если кроме формальных отношений между соответствующими убеждениями будут также выполнены «содержательные» отношения, объясняющие релевантность данных. *Если выполнены только формальные отношения между соответствующими пропозициями, то три условия не являются достаточными условиями истинности пропозиции что S знает, что P.*

Очевидно, наша попытка представить рассуждения Э. Геттэ как использующие представление о истинностной функциональности связок, является лишь предположением, чем-то напоминающим аргументацию в стиле «если что-то выглядит как утка, плавает как утка, крикает как утка, то, вероятно, это и есть утка». Это абдуктивный аргумент, опирающийся на предположение, что Э. Геттэ мог пользоваться (возможно, некритически) некоторыми представлениями актуальной парадигмы лингвистического поворота. Однако такая логика рассуждений помогает не только понять, почему то, что написано в тексте статьи Э. Геттэ, должно работать, но также, например, – почему бессмысленно пытаться решить «проблему Геттэ»; предложить оригинальное «четвертое условие», закрепляющее «конклюзивность» (в том смысле, что истинность посылок гарантирует истинность заключения) вывода; придумать свое дегеттеризированное определение знания, с оригинальной версией первого условия и небывалой теорией нормативности обоснования, разумеется, и т. д. В общем случае рассуждения о логической правильности вывода не предполагают наличия некоторой «релевантной связи» между посылками и заключением. Но когда мы говорим о «знании», нельзя отделаться от ощущения, что мы говорим о чем-то предметном и содержательном. И нам сложно представить, что требование выполнения условия содержательности связи между убеждениями и обоснованием можно формализовать¹⁵. Возмож-

¹⁵ Нам бы не хотелось думать, что в данном случае условия «пользоваться только релевантными данными» или «заранее установить “содержательность” связи убеждений в обосновании» – могут считаться аналогами «четвертого» условия. Как отмечает один из рецензентов: «Тот факт, что релевантность часто не может быть установлена сразу – т. е. мы не всегда можем в процессе обоснования знать, какое именно данное окажется релевантным, делу не мешает. Как не мешает и рассуждение о различиях между формальным и содержательным. И если вообще нужна какая-то формула, то добавление релевантности вроде как позволяет “спасти” JTB-формулу, что и пытаются делать охотники за четвертым условием». Замечание справедливое, но есть одно «но». Если говорить о формальной стороне выписывания четвертого условия в терминах релевантности/содержательности, то очень сложно отделаться от мысли, что в этом случае мы будем еще раз просто повторять «второе условие» (условие истинности; и да, нам известно, что в оригинале условие истинности – это первое условие.

но, это ключевой момент, отличающий наше понимание содержания того, о чем говорит Э. Гетье, и, скажем, понимание, которое характерно для тех, кто, подобно Л. Загзебски, готов сказать, что «обоснованное истинное убеждение оказывается истинным лишь случайно». На наш взгляд, наиболее адекватный вывод, который можно сделать, внимательно и непредвзято прочитав статью Э. Гетье, заключается в том, что Э. Гетье показал, что выполнение только формальных отношений между убеждениями не позволяет схватить «знание». Все остальное – это домыслы тех, кто пытается (подобно Х. Патнэму, апеллирующему к теореме Ливенгейма–Сколема) перенести рассуждения Э. Гетье в интересную для себя область. Это предмет «посылки принцессы Маргарет», про которую в статье Э. Гетье нет и не может быть ничего.

Старая и новая логика

За пятьдесят лет до того как Э. Гетье опубликовал свою статью, Б. Рассел опубликовал «Проблемы философии». Однако почему-то никто не говорит, что Б. Рассел «открыл нам глаза»: «Если человек принимает, что фамилия последнего (late) премьер-министра начинается на букву Б, то это убеждение истинно, поскольку им был Баннерман. Однако если человек принимает, что Балфур был последним премьер-министром, то он все еще принимает то, что фамилия последнего премьер-министра начинается на букву Б, и несмотря на то что это убежде-

Просто нам всегда казалось странным, что об истинности чего-то мы говорим до того, как это нечто «принимаем». И в этом смысле, на наш взгляд, более последовательно сначала говорить об «условии принятия» – «belief condition» фиксирует наличие убеждения, а потом уже говорить о его истинности. Тем более что формально данные в пользу условия истинности и условия обоснования должны быть разными, – и это при том, что здесь мы не говорим о том, что, возможно, выполнение условия принятия также требует своих релевантных данных) (см., например, [Steup, 1996, ch. 1]). В нашем случае отрицание возможности четвертого условия следует из представленной реконструкции. Проблема в том, что формальные отношения между убеждениями не могут схватить «знание». Соответственно, любое релевантное четвертое условие должно исправить именно этот момент, – оно должно отвечать поставленной задаче – вернуть уверенность в том, что выполнение формальных отношений между убеждениями может схватить «знание». И не нужно думать, что это невозможно. Например, Р. Чизолм приводит несколько примеров того, как сугубо формальными средствами в рамках той же парадигмы лингвистического поворота можно включить в эпистемологические рассуждения именно содержательную компоненту. В частности, достаточно вспомнить основной признак, отличающий эпистемический статус убеждений, попадающих в четвертую, пятую и шестую группы (см.: [Chisholm, 1989, p. 11]), а также, например, то, как оригинально выписываются определения «переноса» эпистемического статуса для «произвольных» (не относящихся к специальным фиксированным категориям) данных (см.: [Там же, p. 53]). Четвертое условие, если оно нужно, должно быть сформулировано в той же парадигме, что и другие, и отвечать той же/исходной постановке проблемы. Вместо этого часто можно встретить, например, такое замечание: «проблема Гетьера – это псевдопроблема, его примеры некорректны: он ошибается, полагая, что в его примерах выполнено условие обоснованности мнения; он путает имеющиеся и релевантные данные» (замечание рецензента). На наш взгляд, «аргумент Гетье» не является разновидностью «аргумента от ошибки». А это значит, что сводить «решение» к требованию релевантности/содержательности данных нельзя. Это следует из приведенной реконструкции содержания «проблемы Гетье» как проблемы, возникающей вследствие априорного полагания (что естественно для представителя парадигмы лингвистического поворота), что у нас есть адекватная формализация связей «и», «или», «если, то» (без которой основание соответствующего скептического аргумента не обосновано). Здесь ничего не говорится о том, что основание скептического аргумента будет зависеть от наличия/отсутствия релевантных данных или содержательной связи между ними. Парадокс в том, что в случае со статьей Э. Гетье все это не отнимает предмета исследования тех, кто допускает свою (мы настаиваем, не каноничную!) интерпретацию сути проблемы.

ние истинно, нельзя сказать, что оно является знанием... Истинное убеждение не является знанием, если оно дедуцировано из ложного убеждения. Аналогично, истинное убеждение нельзя назвать знанием, если оно дедуцировано посредством ошибочного (*fallacious*) процесса рассуждения, даже если посылки были истинными» [Russell, 1951 (1912), p. 131–132]. И никто до Б. Рассела о подобных ситуациях не говорил? Почему парадоксальность ситуации, когда формальные условия знания выполнены, но сказать, что «Смит знает» нельзя, еще не вызывает ажиотажа? Потому что Б. Рассел живет в начале века, сообщество еще не перестроилось и еще не интерпретирует правильность логического вывода преимущественно в «математическом» смысле, в терминах таблиц истинности. Э. Гетье рассуждает о той же проблеме, но в другой парадигме.

В традиционной логике таблица истинности не нужна. Аргумент должен быть «убедительным» (*persuasive*). Убедительность аргумента в том виде, как ее понимает Э. Гетье, должна следовать из необходимости логических отношений между пропозициями, – здесь правильность и убедительность, по сути, это одно и то же. Именно потому, что так говорит парадигма лингвистического поворота. И это сильно отличается от «классического» представления о том, что убедительность, кроме правильности, также должна включать «достоверность» (мы не уверены, что это лучший перевод для *soundness*, но переводить *certainty* как «достоверность» – это гораздо худший выбор), т. е. посылки должны быть истинными, «релевантность» (посылки и заключение должны быть связаны, т. е. должна быть возможность их как-то содержательно соотнести друг с другом) и «полезность» (в смысле расширять имеющееся знание) (см., например: [Sainsbury, 2001]). Проблема в том, что современная логика создавалась людьми, которые отрицали метафизику, и поэтому ничего кроме требования правильности не осталось. Теперь «релевантность» это «математическое понятие», а никак не следствие соотнесения природы вещей. Слово «истинность» употребляется, но понимается совершенно в другом смысле. Примечательно то, что может быть поэтому те же отцы-основатели (которые, несомненно, были ближе классическому проекту, – они его критиковали) периодически подчеркивали, что «“знание” не является точным (*precise*) понятием» [Russell, 1951 (1912), p. 134]. Б. Рассел отмечает, что «мы должны признать выводным знанием все, что является результатом интуитивного знания, при условии наличия правильной логической связи, которую субъект способен рефлексивно обнаружить. Существует множество способов, кроме логического вывода, которыми мы переходим от одного убеждения к другому, их можно назвать “психологическим выводом”. И мы должны признать такой психологический вывод средством достижения выводного знания при условии, что мы можем обнаружить логический вывод, идущий параллельно психологическому. Это делает наше определение выводного знания менее точным, чем нам хотелось бы, поскольку слово “обнаружить” нечетко (*vague*): оно не говорит нам о том, как много рефлексии понадобится для того, чтобы его обнаружить» [Там же]. Л. Витгенштейн пишет: «“знание” и “несомненность” принадлежат разным категориям... относительно данной эмпирической пропозиции несомненность может существовать... но не все, что имеет форму эмпирической пропозиции, является знанием» [Wittgenstein, 1969, § 308]. Здесь «знание» всегда предполагает возможность

пересмотра, поскольку его нельзя схватить, апеллируя *только* к требованию правильности вывода. И, на наш взгляд, Э. Гетье идет еще дальше, представляя знание как «несомненность» в терминах логически необходимых и достаточных условий истинности пропозиции. Попытка изначально была обречена на провал, поскольку та «убедительность», которая требуется для «знания», должна как минимум также включать плохо формализуемую содержательную связь между посылками и заключением, обеспечивающую должное качество обоснования требуемого эпистемического статуса. Однако сама «проблема Гетье» в другом. Скептический аргумент, который он формулирует, опирается на недостаточно обоснованное допущение о возможности формализации связок. В общем случае связки естественного языка не являются истинностно-функциональными. Э. Гетье некритически принимает парадигму лингвистического поворота и не задумывается о содержательности третьего условия. Здесь у нас ситуация, в которой «плохой аргумент» (скептический аргумент, посылка которого может быть предметом «аргумента Мура») соседствует с «плохой парадигмой» (парадигма лингвистического поворота задает достаточно строгие «условия индивидуации», которые, однако, не могут полностью обосновать убедительность рассуждений Э. Гетье). И наша претензия здесь скорее к парадигме, нежели к самому Э. Гетье. Но именно это (неясность оснований рассуждений Э. Гетье) и обуславливает популярность и многообразие интерпретаций того, что «на самом деле сказал Э. Гетье». Откройте монографии Р. Шопа [1983] и С. Хетерингтона [2016], и вы увидите буквально бесконечное количество различных интерпретаций. Тот же С. Хетерингтон приводит исчерпывающее обоснование того, что на самом деле Э. Гетье путает фаллибилистское и не-фаллибилистское представление об обосновании и поэтому его «аргумент» вообще не может считаться состоятельным. И он имеет право так говорить. Т. Уильямсон, Д. Причард и Л. Загзебски, а также многие другие авторы должны быть благодарны Э. Гетье за то, что он заострил внимание на том, что мы можем перенести основной акцент эпистемологии с понимания «обоснования» на понимание «знания». Но сам Э. Гетье не говорил о том, о чем говорят они. Да и сам этот «акцент» всего лишь является одним из следствий скептического аргумента «против знания», предложенного Э. Гетье.

Список литературы

- Бутаков П. А.** Платон, эвиденциализм и JTB // *Schole*. 2018. Т. 12. № 2. С. 669–685.
- Геттиер Э.** Является ли знание истинное и обоснованное мнение? // *Аналитическая философия: становление и развитие /* *Общ. ред. и сост. А. Ф. Грязнова.* М.: Дом интеллект. книги, 1998. С. 231–233.
- Гетье Э.** Является ли знание истинное и обоснованное убеждение? // *Analytica*. 2007. № 1. С. 123–126.
- Никифоров А. Л.** Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // *Эпистемология и философия науки*. 2009. Т. 21. № 3. С. 61–73.
- Целищев В. В.** *Философия математики.* Новосибирск: Наука, 2002.
- Benacerraf P.** What Mathematical Truth Could Not Be // *M. Schirn (ed.) The Philosophy of Mathematics Today.* Clarendon Press, 1998. P. 33–75.

- Chisholm R.** *Theory of Knowledge* (3rd ed.). Prentice Hall, 1989.
- Clark M.** *Knowledge and Grounds: A Comment on Mr. Gettier's Paper* // *Analysis*. 1963. Vol. 24. № 2. P. 46–48.
- Dancy J., Sosa E., Steup M.** (Eds.) *A Companion to Epistemology*. Wiley-Blackwell, 2010.
- Dummett M.** *The Logical Basis of Metaphysics*. Harvard University Press, 1991.
- Gettier E.** *Is Justified True Belief Knowledge?* // *Analysis*. 1963. Vol. 23. № 6. P. 121–123.
- Hetherington S.** *Knowledge and the Gettier Problem*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford Univ. Press, 2007.
- Russell B.** *The Problems of Philosophy*. Oxford Univ. Press, 1951.
- Sainsbury M.** *Logical Forms. An Introduction to Philosophical Logic*. Blackwell, 2001.
- Shope R.** *The Analysis of Knowing*. Princeton Univ. Press, 1983.
- Steup M.** *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Prentice Hall, 1996.
- Vervoort L., Shevchenko A. A.** *Epistemic Relativism and The Gettier Problem: Insights From Philosophy of Science* // *Эпистемология и философия науки*. 2022. Т. 59. № 1. С. 58–80.
- Wittgenstein L.** *On Certainty*. Blackwell, 1969.

References

- Benacerraf P.** *What Mathematical Truth Could Not Be*. In: M. Schirn (ed.) *The Philosophy of Mathematics Today*. Clarendon Press, 1998, p. 33–75.
- Butakov P. A.** *Plato, Evidentialism, and JTB*. *Schole*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 669–685. (in Russian)
- Chisholm R.** *Theory of Knowledge* (3rd ed.). Prentice Hall, 1989.
- Clark M.** *Knowledge and Grounds: A Comment on Mr. Gettier's Paper*. *Analysis*, 1963, vol. 24, no. 2, pp. 46–48.
- Dancy J., Sosa E., Steup M.** (Eds.) *A Companion to Epistemology*. Wiley-Blackwell, 2010.
- Dummett M.** *The Logical Basis of Metaphysics*. Harvard University Press, 1991.
- Gettier E.** *Is Justified True Belief Knowledge?* *Analysis*, 1963, vol. 23, no. 6, pp. 121–123.
- Gettier E.** *Is Justified True Belief Knowledge?* In: A. Gryaznov (ed.) *Analytical Philosophy: Rise and Development*. Moscow: Dom Intellektual'noi Knigi, 1998, pp. 231–233. (in Russian)
- Gettier E.** *Is Justified True Belief Knowledge?* *Analytica*, 2007, no. 1, pp. 123–126. (in Russian)
- Hetherington S.** *Knowledge and the Gettier Problem*. Cambridge University Press, 2016.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford University Press, 2007.
- Nikiforov A. L.** *Analysis of the Concept of Knowledge: Approaches and Problems*. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2009, vol. 21, no. 3, pp. 61–73. (in Russian)

- Russell B.** *The Problems of Philosophy*. Oxford University Press, 1951.
- Sainsbury M.** *Logical Forms. An Introduction to Philosophical Logic*. Blackwell, 2001.
- Shope R.** *The Analysis of Knowing*. Princeton University Press, 1983.
- Steup M.** *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Prentice Hall, 1996.
- Tselishchev V. V.** *Philosophy of Mathematics*. Novosibirsk: Nauka, 2002. (in Russian)
- Vervoort L., Shevchenko A. A.** Epistemic Relativism and The Gettier Problem: Insights From Philosophy of Science. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no 1, pp. 58-80 (in Russian)
- Wittgenstein L.** *On Certainty*. Blackwell, 1969.

Информация об авторе

Головко Никита Владимирович, доктор философских наук, доцент
Заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки,
Новосибирский государственный университет;
Ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН

Information about the Author

Nikita Golovko, Doctor of Sciences (Philosophy)
Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science,
Novosibirsk State University;
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 17.01.2023;
одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 15.03.2023*

*The article was submitted 17.01.2023;
approved after reviewing 06.02.2023; accepted for publication 15.03.2023*